

УДК 323 (470+571)

НУНУЕВ Саид-Хамзат Махмудович,
кандидат исторических наук, доцент

**РИСКИ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)**

Основной темой статьи является политизация исламской идентичности в постсоветской России. Проблема состоит в конкурентном и конфликтном типе взаимодействия религиозной идентичности с российской гражданской, региональными, этническими, политическими идентичностями. Цель статьи – выявить риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах республик Северного Кавказа). Определены причины политизации исламской идентичности. Раскрываются факторы территориальной неравномерности политизации ислама на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе. Новизна работы проявляется в систематизации и сравнительном анализе итогов социологических опросов о религиозности во всех республиках Северного Кавказа. На основе методологии инструментализма установлены параметры исламской идентичности, подвергаемые целенаправленному конструированию со стороны конфессиональных элит и объединений. Сделан вывод о том, что ведущими причинами политизации ислама в макрорегионе выступают: делегитимация секулярного политического порядка, ослабление секулярных государственных институтов и их регулирующих функций, неопределенность целеполагания развития, дефицит регулирующих способностей светских норм, что влечет за собой архаизацию регионального сообщества, облегчает геополитическое давление зарубежных стран, международных организаций и распространение религиозного радикализма. Растет влияние исламской идентичности, которая становится основанием групповой солидарности и мобилизации, политического позиционирования. Нестабильность создает питательную среду для экстремистских религиозных группировок. Наиболее толерантное взаимодействие религиозной и гражданской идентичностей отмечено в Ставропольском крае и республиках Северо-Западного Кавказа, а также в среднем и пожилом поколениях респондентов. Более интолерантное взаимодействие гражданской и религиозной идентичностей отмечено на Северо-Восточном Кавказе, а также среди молодежи. Это объяснимо различной степенью прочности традиции ислама, контрастом этнических и социальных структур сообществ, архаизацией, проявляющейся в укреплении кланово-родственных институтов и практик поведения, росте межконфессиональной дистанции.

Ключевые слова: политизация, исламская идентичность, риски, современная Россия, Северный Кавказ.

NUNUEV Said-Hamzat Mahmudovich,
Candidate of Historical Sciences, Associated Professor

**THE RISKS OF POLITICIZATION OF ISLAMIC
IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIA (ON
MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)**

The main topic of the article is the politicization of Islamic identity in post-Soviet Russia. The problem is in competitive and conflict type of interaction of religious identity with Russian civil, regional, ethnic, political identities. The purpose of the article is to identify the risks of politicization of Islamic identity in contemporary Russia (on materials of the North Caucasian republics). The article determines the causes of the politicization of Islamic identity, highlights the factors of territorial unevenness of the politicization of Islam in the North-East and North-West Caucasus. The novelty of the work is manifested in the systematization and comparative analysis of the results of opinion polls on the religiosity in all the republics of the North Caucasus. Based on the instrumentalist methodology, the article sets parameters of Islamic identity, which are subject to purposeful design by religious elites and associations. It is concluded that the leading causes for politicization of Islam in the macro-region are: delegitimation of the secular political order, the weakening of the state secular institutions and their regulatory functions, uncertainty of goal-setting development, lack of regulatory abilities of secular norms that entail archaization of the regional community, facilitate geopolitical pressure of foreign countries, international organizations and the spread of religious radicalism. The article notes the growing influence of Islamic identity, which becomes the basis of group solidarity and mobilization, political positioning. Instability creates grounds for extremist religious groups. The most tolerant interaction of religious and civic identities is noted in Stavropol region and the republics of the North-West Caucasus, and among the middle and older generations of respondents. More intolerant interaction of civil and religious identities is noted in the North-East Caucasus, as well as among young people. This can be explained by different degrees of strength of the traditions of Islam, by contrast ethnic and social structures of the communities and archaization manifested in the strengthening of clan-related institutions and practices of behavior, growth of interfaith distance.

Keywords: politicization, Islamic identity, the risks, contemporary Russia, the North Caucasus.

doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.2.063-069

Актуальность позитивного сочетания российской гражданской идентичности и парциальных – конфессиональных, этнических, региональных идентичностей для обеспечения политической стабильности нашего общества велика. Рассогласованность и конфликт идентичностей свидетельствует о рисках национальной безопасности. Напротив, устойчивое признание гражданами государства своей «общей исторической судьбы» и единых ориентиров развития при уважении к религиозным традициям преодолевает данные риски. Актуален анализ рисков политизации религиозной идентичности на примере Северного Кавказа – пространства исторического распространения ислама.

Цель исследования – выявить риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах республик Северного Кавказа). В числе задач статьи: определить

причины политизации исламской идентичности, раскрыть факторы территориальной неравномерности политизации на Северном Кавказе.

Степень научной разработанности темы относится к начальному этапу. Тенденции религиозной идентификации населения Северного Кавказа, риски и угрозы политизации в балансе идентичностей исследуют В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов и Г.Д. Гриценко [1; 2], А.-Н.З. Дибиров [3], М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов, М.М. Шульга [4], С.Я. Суций [5]. В начале XXI в. активизируются исследования российской гражданской идентичности и ее роли в обеспечении социокультурной интеграции государства. От первоначального преобладания философского и исторического подходов эксперты переходят к применению социологических методик. Недостаточно изученными остаются специфика факторов и степени политизации религии в различных республиках Северного Кавказа, а также миротворческий потенциал традиционного ислама в противодействии экстремизму.

Источниковая основа статьи включает в себя такие виды источников, как нормативно-правовые акты Российской Федерации и ее субъектов; выступления политических деятелей; итоги анкетных социологических опросов; статистические данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.; материалы периодической печати и сети Интернет. Систематизация и анализ совокупности документов дали возможность аргументировать характеристику рисков политизации ислама на Северном Кавказе. Так, статистические данные и итоги опросов характеризуют степень политизации ислама, выявляют механизмы и каналы формирования религиозных ценностей и ориентаций верующих.

Методологией исследования выбран инструментализм применительно к анализу религиозности (по М.М. Мчедловой [6, с. 123–126]), что позволило выяснить цели и идеологемы конструирования идентичностей. Среди методов исследования – сравнительный анализ, а также вторичный анализ анкетных опросов (проведенных под руководством Б.В. Аксюмова осенью 2009 г. в Ставропольском и Краснодарском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии [2]; под руководством В.А. Тишкова, В.В. Степанова и М.А. Аствацатуровой [5] в сентябре-октябре 2013 г. во всех регионах Северо-Кавказского федерального округа).

Религиозную идентичность можно определить как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности индивида к «своей» религии или ее течению. Такая идентичность проявляется в ценностях и ориентациях мировоззрения, признании регулятивных правил религиозных сообществ и их символики, участии в деятельности религиозных организаций. Идентичность не «предписана», она постоянно конструируется и изменяется вследствие целенаправленных действий субъектов политики. Механизмы конструирования (целенаправленного формирования) идентичности состоят в историко-культурных традициях и менталитете [6, с. 123–125]. Идентичность складывается не только на индивидуальном, но и на социально-групповом, общественном уровнях. Политический аспект религиозной идентичности определяют потребности в принадлежности к «своему» сообществу, в позитивной самооценке и в безопасности. Благодаря идентичности поддерживается единство группы верующих, их политический статус и потенциал мобилизации.

Религиозная идентичность создается и стихийно – в итоге самооценок индивидов на уровне обыденных представлений, и целенаправленно – как результат политики элит. Создатели идентичностей – это региональные и местные элиты, священнослужители, активисты общественных движений, интеллигенция (особенно журналисты, преподаватели высших и средних учебных заведений, то есть слои, имеющие влияние на общественное мнение). Они используют религию как ресурс укрепления своей власти и влияния.

Укрепление гражданской идентичности не означает ослабления религиозных и этнических идентичностей. Между ними должен быть найден баланс положительной сочетаемости, единства во многообразии и терпимости. Более того, именно в России накоплен уникальный опыт поликонфессиональной цивилизации, основанный на диалоге и миротворчестве конфессий.

Напротив, архаизация общества после распада СССР породила ряд опасных тенденций: использование конфессионального фактора в целях политической мобилизации, экстремизм и сепаратизм, что ведет к восприятию религиозной идентичности в категориях власти и конфликта. Роль политизации религиозности на Северном Кавказе усилилась к концу 1990-х гг. на фоне относительного снижения роли этничности. Религиозный фактор может стать одним из важнейших инструментов политической мобилизации как в положительном, так и в негативном направлениях.

Постсоветские реформы и глобализация снизили статус общегосударственной идентичности. Возникла ситуация жесткой идейной конкуренции. Например, жители Северного Кавказа могут соотносить себя с человечеством, западной или восточными цивилизациями, исламом, своим народом, внутриконфессиональными сообществами. Баланс этих идентичностей с российской гражданской идентичностью, если допустить его стихийное развитие, может стать деструктивным.

Таким образом, в условиях возрождения традиционной культуры, актуализации ее ценностей в постсоветский период идет политизация конфессиональной идентичности. Религиозная самоидентификация в республиках Северного Кавказа стала основой самоопределения и установок поведения для этнических групп, большинство членов которых исторически привержены исламу. Анкетный опрос «Образы России глазами молодежи», проведенный в сентябре-октябре 2013 г. Распределенным научным центром межнациональных и межрелигиозных исследований (выборка 1 715 чел. во всех субъектах Северо-Кавказского федерального округа), показал: считают себя мусульманами 98,6% молодых респондентов в Ингушетии, 97,2% – в Чечне, 82,6% – в Дагестане, 84,7% – в Карачаево-Черкесии, 81,0% – Кабардино-Балкарии, 13,1% – в Северной Осетии и 16,7% – в Ставропольском крае [5, с. 13]. Поэтому на Северном Кавказе трудно разделить этнический и конфессиональный факторы идентичности.

Предположение подтверждается итогами социологического исследования, проведенного под руководством Б.В. Аксимова осенью 2009 г. в Ставропольском и Краснодарском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии [1, с. 65–66]. Конфессиональная принадлежность занимает высокое место в иерархии. 67,4% респондентов-мусульман отметили, что для них религиозная принадлежность очень важна, 23,5% – что важна, в сумме – 90,9%. Доля респондентов-христиан, отметивших свою принадлежность как «очень важную», составляет 30,1% и как «важную» – 34,2%, итого – 64,3%. Сумма значительно ниже, чем у носителей исламской традиции. Существенные различия в ответах двух групп можно объяснить как противоречие между модернизмом и традиционализмом, между секулярным и религиозным мировоззрением [2, с. 25].

Консолидация исламской идентичности подтверждается материалами анкетного опроса студентов «Образы России глазами молодежи», проведенного в сентябре-октябре 2013 г. Распределенным научным центром межнациональных и межрелигиозных исследований. На вопрос «О какой группе Вы можете сказать: «Это – мы» предпочли свою конфессию 76,4% респондентов в Чечне, 43,8% – в Карачаево-Черкесии, 35,2% – в Дагестане, 29,2% – в Ставропольском крае, 18,6% – в Северной Осетии [7, с. 286, 288–289]. Распределение ответов на другой вопрос: «С чем у Вас ассоциируется понятие «Родина»? (возможны несколько ответов) явно взаимосвязаны с религиозными ориентациями. Родина соотносится с Россией в целом в восприятии 24,3% респондентов Чечни, 32,6% – в Ингушетии, 52,4% – в Дагестане, 60,0 – в Северной Осетии и 77,4% – в Ставропольском крае [7, с. 286, 288–289]. Итак, риски политизации исламской идентичности сосредоточены в регионах, где доминирует одна конфессия. В макрорегионе с преобладающей традиционной системой ценностей, где проявляются тенденции архаизации, общероссийские политические лидеры и исторические герои не являются ведущими ориентирами доверия молодежи. Основным институтом социализации молодежи остается семья, а основными агентами – ближайшие родственники.

Степень радикализма не одинакова в различных внутриконфессиональных течениях. Совет муфтиев России, координирующий деятельность Духовных управлений мусульман, принял «Фетву о недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны». В ней сказано: «Российская умма категорически осуждает террор и экстремизм... Террорист не может быть мусульманином, а мусульманин не может быть террористом. Всевышний Аллах говорит: "Воистину, верующие – братья, так устройте мир между вашими братьями!"» [8, с. 59]. В Чечне и Дагестане преобладающей традиционной формой ислама выступает суфизм, разделенный на тарикаты (тарикаты состоят из религиозных братств – вирдов). Суфии, не отрицая ценности исламского правления, признают светское государство. Так, влиятельный в Дагестане шейх Саид-афанди Чиркейский, погибший в 2012 г. от рук террористки, писал: «...Для того, чтобы арба катилась вперед, необходимо, чтобы у нее были два колеса. В нашем с вами случае одним колесом является Духовное управление, а другим колесом – органы государственного управления. Если оба колеса будут вращаться одновременно, то и арба покатится вперед». Он сравнивал государственную власть и религиозные институты с «двумя родными братьями, которые ведут свое хозяйство по отдельности, но при этом сохраняют братские отношения так, как положено» [9, с. 3, 5].

Салафиты же ставят целью построение исламского халифата, полностью отвергая секулярное государство и его законы. Салафиты объявляют себя «защитниками чистого ислама», ставящими целью очищение его от недозволенных новшеств – суфизма и культа святых, требуют возвращения к нормам времен пророка Мухаммада и утверждения порядка, при котором основой жизни является шариат. Для проникновения салафизма на Северный Кавказ создалась после распада СССР благоприятная социальная база: «неустроенная» молодежь и горские переселенцы, оторвавшиеся от своих корней, – именно эти категории составили большинство последователей течения. Причина конфликтности салафизма на Северном Кавказе заключается в его установке на ликвидацию всех нововведений в исламе. Цель введения унифицированной религиозной культуры входит в противоречие со стремлением традиционных течений ислама сохранить этническую специфику ценностей и традиций.

Вместе с тем политизация религии идет и в рамках традиционного ислама, что связано с соперничеством тарикатов и вирдов, этнической и клановой принадлежностью, амбициями лидеров. В Дагестане насчитывается до 15 вирдовых братств, а в Чечне и Ингушетии – свыше 30. Их взаимоотношения, как признают дагестанские эксперты, в ряде случаев конфликтны [3, с. 264–267].

Анкетный опрос, проведенный М.Х. Халимбековой в 2011 г. среди молодежи Дагестана, выявил, что в иерархии идентификаций наиболее важна конфессиональная идентичность (71,5%), уровень которой намного превосходит показатели гражданской идентичности (59,9%). Респонденты обозначили два фактора, наиболее разрушающих российский патриотизм – коррупцию и безработицу (свыше 40%) [10, с. 23–26]. По итогам опроса 2008 г., проведенного Институтом религиоведения и коммуникативистики совместно с Дагестанским государственным университетом, 22% студентов на вопрос «В каком государстве (светском или религиозном) Вы хотели бы жить?» ответили: в религиозном, организованном и действующем по нормам шариата [11, с. 288–296]. Иначе говоря, сложился массовый слой сторонников религиозного радикализма.

В 2013 г. сотрудники Грозненского государственного нефтяного технического университета опросили 526 студентов своего вуза, а также Чеченского государственного университета и Чеченского государственного педагогического института. Интолерантное, по мнению авторов опроса, суждение «Самой главной религией в России должен быть ислам» поддержали 77,2% респондентов, а толерантное суждение «Все религии, существующие в России, должны быть равноправны» – 54,4% (можно выбрать несколько вариантов ответа) [12, с. 238–241]. Характерно и то, что в силу моноэтничного состава населения республики религиозная принадлежность сливается с этнической и осознается как предписанная. Так, опрос студентов г. Грозного в октябре 2013 г. показал, что понятие «Родина» ассоциируется в первую очередь со своим регионом (67,4% ответов), историей своего региона (45,8%), своим городом (29,2%). Только на четвертой позиции ответ «со страной – Россией» (24,3%). Близость респонденты испытывают прежде всего с единоверцами (76,4%), членами семьи (70,1%), людьми своей национальности (48,6%), а с гражданами России – 25% [5, с. 80–81].

Результаты социологического исследования С.В. Сиражудиновой на тему «Какое общество люди предпочли бы видеть в Республике Ингушетия?» [13, с. 197] показали, что сторонники светского и исламского общества разделились пополам. Но и те респонденты, кто выступил за светское общество, подчеркнули, что оно не должно противоречить шариату. Рассматривая вопрос о предпочтительной форме правления в Ингушетии, сторонники конституционного и смешанного правления набрали по 45%, а желающих видеть управление республикой на основе шариата – больше 10%. Правовое регулирование жизни респонденты предпочли видеть светским (50%), за шариат, адаты и смешанное регулирование высказались по 15% за каждое [13, с. 197].

Сравнительный уровень политизации религии также выявляет анкетный опрос молодежи 18–25 лет, проведенный О.С. Павловой в нескольких республиках: Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (выборка 673 чел.). Религию отмечают как первоочередной маркер, сближающий с «людьми моей национальности», 72,7% опрошенных ингушей, 65,8% чеченцев, 47,9% карачаевцев, 37,0% кабардинцев, 34,0% балкарцев. Такая же градация при обратном вопросе: «Что в первую очередь различает людей разных национальностей?» [14, с. 185–189].

Очевидным контрастом в сравнении с высокой политизацией религии выглядят итоги социологического опроса, проведенного Южным федеральным университетом и Адыгейским государственным университетом среди молодежи Адыгеи (лето 2010 г., выборка 126 чел.). В

иерархии идентичностей этничность отметили как первоочередную 63,9% опрошенных, российскую гражданскую идентичность – 59%, региональную – 45,9% и исламскую религиозную – 36,9%. В то же время поставили православную идентичность на первое место не более 10% опрошенных славян [15, с. 47–49, 53–56].

В итоге исследования мы делаем следующие выводы.

Кризис идентичности, вызванный распадом СССР, поощрил поиск новых политических проектов и борьбу за власть. В постсоветской России, особенно на Северном Кавказе, такими субъектами конструирования идентичности выступают элиты. Создатели идентичностей – региональные и местные административные элиты, этнические и религиозные элиты, активисты общественных движений, интеллигенция (особенно журналисты, преподаватели высших и средних учебных заведений). Они используют религиозную идентичность как ресурс укрепления своей власти и влияния.

Риски национальной безопасности России, в том числе, связаны с дезинтеграцией социокультурного пространства. Деятельность экстремистских и радикальных организаций создает условия конфликтов идентичности в религиозном аспекте.

Применительно к Северному Кавказу мы считаем ведущими причинами политизации ислама, как и других конфессий, делегитимацию секулярного политического порядка, ослабление секулярных государственных институтов и их регулирующих функций, неопределенность целеполагания развития, дефицит регулирующих способностей светских норм, что влечет за собой архаизацию регионального сообщества, облегчая геополитическое давление зарубежных стран, международных организаций и распространение религиозного радикализма. Растет влияние исламской идентичности, которая становится основанием групповой солидарности и мобилизации, политического позиционирования. Нестабильность создает питательную среду для экстремистских религиозных группировок.

Сообщество мусульман Северного Кавказа воспринимает российскую гражданскую идентичность фрагментарно, что выступает следствием этнической, социальной неоднородности уммы. Одни социальные группы, поколения, местные сообщества признают преобладание российской идентичности; другие ставят гражданскую идентичность вровень с конфессиональной; третьи предпочитают иные идентичности (исламскую, этнические, территориальные и др.).

Анкетные опросы подтверждают высокую степень политизации религиозной идентичности в среднем по регионам Северо-Кавказского федерального округа. Наиболее толерантное взаимодействие религиозной и гражданской идентичностей отмечено в Ставропольском крае и республиках Северо-Западного Кавказа, а также в среднем и пожилом поколениях респондентов. Более интолерантное взаимодействие гражданской и религиозной идентичностей отмечено на Северо-Восточном Кавказе, а также среди молодежи. Это объяснимо различной степенью прочности традиции ислама, контрастом этнических и социальных структур сообществ, архаизацией, проявляющейся в укреплении кланово-родственных институтов и практик поведения, росте межконфессиональной дистанции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Под ред. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 328 с.
2. Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. – 2010. – №12. – С. 18–27.
3. Образование против экстремизма: Сборник трудов Всеросс. науч. конф. 23–24 июня 2011 г. / Под общ. ред. А.-Н.З. Дибирова. – Махачкала: Лотос, 2011. – 400 с.
4. Суцкий С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 432 с.
5. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа: Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов. – Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2014. – 101 с.
6. Мчедлова М.М. Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 123–126.
7. Шульга М.М. Социокультурные показатели развития молодежи СКФО РФ в контексте национальной безопасности // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. Материалы международного науч.-просветит. конф. 23–27 мая 2014 г. – Краснодар: Традиция, 2014. – С. 285–289.
8. Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадаев М.А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия. Монография. – М.; Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2013. – 276 с.
9. Современность глазами шейха Саида-афанди. – Махачкала: Ихлас, 2005. – 48 с.

10. Халимбекова М.Х. Феномен патриотизма: философско-культурологический дискурс. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Астрахань, 2012. – С. 23–26.
11. Муртузалиев С.И. Роль школы и вуза в воспитании культуры общения в молодежном социуме Дагестана (некоторые социологические аспекты проблемы) // Проблемы консолидации народов Северного Кавказа: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23–27 окт. 2008 г.). – Нальчик; Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. – С. 288–296.
12. Жемчурова С.Ш., Ибрагимова Э.М. Этноконфессиональная идентичность и формирование установок толерантного сознания и поведения студенческой молодежи Чеченской Республики // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 25–27 сент. 2014 г. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 237–241.
13. Сираждинова С.В. Политические установки и социальное самочувствие жителей северокавказских республик в процессе формирования гражданского общества // Социальное самочувствие населения в современной России. Тезисы Всерос. науч.-практ. конф. 4–5 окт. 2010 г., г. Ставрополь. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 196–200.
14. Павлова О.С. Язык как маркер этнической, гражданской и религиозной идентичности народов Северного Кавказа // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 25–27 сент. 2014 г. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 184–189.
15. Жаде З.А., Клименко Л.В., Шикова Р.Ю. Этнокультурные особенности гражданской идентичности молодежи Республики Адыгеи // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи: сб. науч. статей / отв. ред. Г.Г. Матишов, Р.Д. Хунагов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 46–63.

REFERENCES

1. South of Russia in a mirror of a conflict examination. Ed. by G.G. Matishov, N.I. Golubeva, V.A. Avksentyev. [Yug Rossii v zerkale konfliktologicheskoy ekspertizy. Pod red. G.G. Matishova, N.I. Golubevoj, V.A. Avksent'eva]. Rostov-in-Don: Izd-vo YuNC RAN – SSCRAS Publishing, 2011. 328 p. (in Russ.).
2. Avksent'ev V.A., Aksyumov B.V. Portfolio identities of young people of the South of Russia in the conditions of civilizational choice [Portfel' identichnostei molodezhi Yuga Rossii v usloviyah civilizatsionnogo vybora]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological studies*, 2010, No 12, pp. 18-27 (in Russ.).
3. Education against extremism: Proceedings of the All-Russian scientific conf. June 23-24, 2011 [Obrazovanie protiv ekstremizma: Sbornik trudov Vseross. nauch. konf. 23-24 iyunya 2011 g.] / Pod obsh. red. A.-N.Z. Dibirowa. *Mahachkala: Lotos*, 2011. 400 p.
4. Suschij S.Ya. North Caucasus: realities, problems and prospects of the first third of the XXI century [Severnyi Kavkaz: realii, problemy, perspektivy pervoi treti XXI veka]. *Moskva: LENAND*, 2013. 432 p.
5. Youth in multi-ethnic regions of the North Caucasus Federal District: Expert report [Molodezh' v polietnichnyh regionah Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: Ekspertnyj doklad]. Red. V.A. Tishkov, M.A. Astvacaturova, V.V. Stepanov. *Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta*, 2014. 101 p.
6. Mchedlova M.M. Religious Identity [Religioznaya identichnost'] Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. [Political identity and identity politics: in 2 vol.] *Moscow: ROSSPEN*, 2012. pp. 123-126.
7. Shul'ga M.M. Social and cultural indicators of youth development in the North Caucasus Federal District of the Russian Federation in context of national security [Sociokul'turnye pokazateli razvitiya molodezhi SKFO RF v kontekste nacional'noi bezopasnosti] Problemy nacional'noi bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti. Materialy mezhdunar. nauch.-prosvetit. konf. 23-27 maya 2014 g. [Problems of Russia's national security: the lessons of history and the challenges of modernity. Proceedings of the international scientific-educational conf. 23-27 May 2014]. *Krasnodar: Tradiciya*, 2014. pp. 285-289.
8. Abdurahmanov D.B., Akaev V.H., Daduev M.A. North Caucasus: overcoming the ethno-political destabilization factors and achievement of inter-ethnic harmony. Monograph. [Severnyj Kavkaz: preodolenie faktorov etnopoliticheskoy destabilizatsii i dostizhenie mezhnatsional'nogo soglasiya. Monografiya]. *Moscow; Rostov-in-Don: Social'nogumanitarnye znaniya*, 2013. 276 p.
9. Modernity by eyes of Sheikh Said Afandi. [Sovremennost' glazami sheiha Saidafandi]. *Mahachkala: Ihlas*, 2005. 48 p.
10. Halimbekova M.H. The phenomenon of patriotism: the philosophical and cultural discourse. [Fenomen patriotizma: filosofsko-kul'turologicheskii diskurs. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk]. *Astrahan'*, 2012. 28 p.
11. Murtuzaliev S.I. The role of school and university education in the culture of dialogue in the youth society of Dagestan (some sociological aspects of the problem) [Rol' shkoly i vuza v vospitanii kul'tury obsheniya v molodezhnom sociume Dagestana (nekotorye sociologicheskie aspekty problemy)]. Problemy konsolidatsii narodov Severnogo Kavkaza: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (23-27 okt. 2008 g.). [Problems of consolidation of the peoples of the North Caucasus: Proceedings of scientific and practical conference (23-27 October 2008)]. *Nal'chik; Pyatigorsk: RIA-KMV*, 2008. pp. 288–296.
12. Zhemchurava S.Sh., Ibragimova E.M. Ethnoconfessional identity and the formation of tolerant consciousness and behavior of students of the Chechen Republic. [Etnokonfessional'naya identichnost' i formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i povedeniya studencheskoi molodezhi Chechenskoi Respubliki]. The positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: Materials Vseross. scientific and practical conf. 25-27 September 2014 [Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosocial'nyh i etnokul'turnykh processov v regionah Rossiiskoi Federatsii: Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. 25-27 sent. 2014 g.]. *Kazan': In-t istorii. Sh. Mardzhani AN RT*, 2014. pp. 237-241.

13. *Sirazhudinova S.V.* Political attitudes and social wellbeing of residents of the North Caucasian republics in the process of formation of civil society [Politicheskie ustanovki i social'noe samochuvstvie zhitelei severokavkazskih respublik v processe formirovaniya grazhdanskogo obshchestva]. Social well-being of the population in modern Russia. Abstracts of All-Russia. scientific and practical Conf. 4-5 October 2010, the city of Stavropol. [Social'noe samochuvstvie naseleniya v sovremennoj Rossii. Tezisy Vseross. nauch.-prakt. konf. 4-5 okt.2010 g., g. Stavropol']. *Rostov -in-Don: Izd-vo YuNC RAN*, 2010. pp. 196–200.
14. *Pavlova O.S.* Language as a marker of ethnic, civil and religious identity of the peoples of the Northern Caucasus [Yazyk kak marker etnicheskoi, grazhdanskoi i religioznoi identichnosti narodov Severnogo Kavkaza] The positive experience of regulation of ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation: Materials Vseross. scientific and practical. Conf. 25-27 September 2014 [Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov v regionah Rossiiskoi Federacii: Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. 25-27 sent. 2014 g.]. *Kazan': In-t istoriiim. Sh. Mardzhani AN RT*, 2014. pp. 184–189.
15. *Zhade Z.A., Klimenko L.V., Shikova R.Yu.* Ethnocultural characteristics of youth civic identity in Adygea [Etnokul'turnye osobennosti grazhdanskoi identichnosti molodezhi Respubliki Adygei] Social-humanitarian and environmental problems of modern Adygea: collection of scientific articles [Social'no-gumanitarnye i ekologicheskie problem razvitiya sovremennoi Adygei: sb. nauch. statej]. otv. red. G.G. Matishov, R.D. Hunagov. *Rostov -in-Don: Izd-vo YuNC RAN*, 2012. pp. 46–63.

Информация об авторе

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы Чеченского государственного университета.
Рабочий адрес 364037, ул. Шерипова, 32, Грозный. (Чеченская республика), Россия
nunuev2015@yandex.ru

Получена: 08.02.2015

Information about the author

Nunuev Said-Hamzat Mahmudovich, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Chair of Theory and History of Social Work, the Chechen State University,
Work address 364037, Ul. Sharipova, 32, Grozny city. (the Chechen Republic), Russia
nunuev2015@yandex.ru

Received: 08.02.2015